

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ОЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν
Слава Богу за все. Аминь.
Св. І. Златоустъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

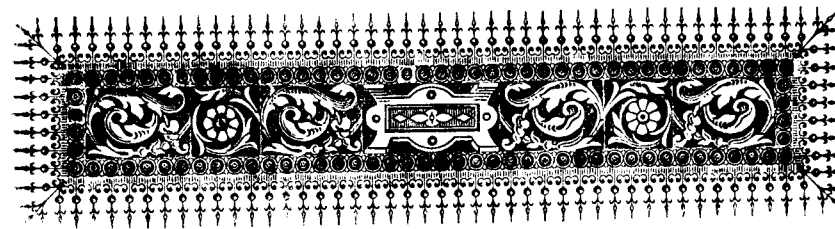
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание С.-Петербургской Духовной Академіи.
1896.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 ноября 1895 года.

СВЯТЫЙ ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ,

Архієпископъ Константинопольскій.



БЕСѢДЫ О СВ. АПОСТОЛѢ ПАВЛѢ.

Семь бесѣдъ о св. апостолѣ Павлѣ произнесены въ Антиохіи.—Время произнесеній неизвѣстно; по нѣкоторымъ соображеніямъ (Тиллемона) это было въ 387-мъ году.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ

о святомъ апостолѣ Павлѣ.

НЕ ПОГРѢШИЛЪ бы тотъ, кто назвалъ бы душу Павла лу- 473
гомъ добродѣтелей и раемъ духовнымъ: такъ обильно про-
цвѣталъ онъ благодатію и столь достойное благодати явилъ
любомудріе души! Такъ какъ онъ сдѣлался избраннымъ со-
судомъ и хорошо очистилъ себя, то на него обильно излился даръ
Духа. Отсюда источилъ онъ намъ и дивныя рѣки, не четыре только,
подобно райскому источнику, но гораздо многочисленнѣйшія, ко-
торыя текутъ ежедневно и не землю орошаютъ, а возбуждаютъ
души чело-вѣческія къ принесенію плодовъ добродѣтели. Какое же
слово будетъ достаточно для изображенія совершенствъ его, или
какой языкъ будетъ въ состояніи достойно изобразить похвалу
ему? Когда въ одной душѣ совмѣщаются всѣ добродѣтели чело-
вѣческія, притомъ всѣ съ преизбыткомъ, и не только чело-вѣче-
скія, но и ангельскія, то какъ мы найдемъ похвалы, равныя ей
величію? Однако изъ-за этого мы не будемъ молчать, но по этому
самому и больше всего поэтому именно и будемъ говорить. Въ
томъ и состоитъ величайшій родъ похвалы, когда величіе совер-
шенствъ своимъ превосходствомъ превышаетъ искусство слова, и
пораженіе тогда бываетъ для насъ славнѣе тысячи трофеевъ. Итакъ,
откуда всего удобнѣе было бы начать похвалы? Откуда же больше,
какъ не съ того, чтобы прежде всего показать, что онъ имѣлъ
добродѣтели всѣхъ (святыхъ)? Въ самомъ дѣлѣ, что ни оказали
доблестнаго пророки, патріархи, праведники, апостолы, мученики,

ИЗДАНИЕ СПБ. ДУХ. АКАДЕМІИ.

все это въ совокупности имѣлъ онъ въ такой высокой степени, въ какой никто изъ нихъ не обладалъ въ отдѣльности тѣмъ добромъ, которое имѣлъ изъ нихъ каждый. Посмотри: Авель принесть жертву (Быт. iv, 4)—и за то прославляется; но если представить жертву Павлову, то окажется, что она столько превосходитъ ту, сколько небо—землю. На какую бы указать вамъ? Потому что жертва его не одна. Онъ каждый день приносилъ въ жертву себя самого, и это приношеніе опять совершалъ вдвойнѣ—и умирая каждый день и нося мертвенность въ тѣлѣ своемъ (1 Кор. xv, 31; 2 Кор. iv, 10). Онъ непрестанно боролся съ опасностями, и закалалъ себя волею своею, и такъ умерщвлялъ естество плотское, что нисколько не меньше находился въ состояніи закалаемыхъ жертвъ, но еще гораздо больше. Не воловъ и овецъ приносилъ онъ, но себя самого вдвойнѣ закалалъ каждый день. Поэтому онъ и осмѣлился сказать: *азъ бо уже жренъ бываю*, называя жертвою кровь свою (2 Тим. iv, 6).

474 Впрочемъ, онъ не довольствовался этими жертвами, но, совершенно посвятивъ себя, принесть (Богу) и вселенную, и сушу и море, и Элладу и варварскую страну, и всю вообще землю, какую только освѣщаетъ солнце; ее онъ, какъ бы какая птица, облеталъ всю, не просто обходя, но истребляя терніе грѣховъ, посѣвая ученіе благочестія, изгоняя заблужденіе, распространяя истину, дѣлая изъ людей ангеловъ, или—лучше—дѣлая людей изъ бѣсовъ ангелами. Посему, готовясь отойти послѣ многихъ трудовъ и непрестанныхъ побѣдъ своихъ, онъ въ утѣшеніе ученикамъ говорилъ: *еще и жренъ бываю о жертвѣ и службѣ вѣры вашей, радуюся и сорадуюся всѣмъ вамъ: такоже и вы радуйтесь и сорадуйтесь мнѣ* (Филип. ii, 17, 18). Что же можетъ сравниться съ этою жертвою,—которую онъ заклалъ мечемъ духовнымъ, которую принесть на жертвенникѣ, находящемся превыше небесъ? Авель былъ коварно убитъ Каиномъ, и потому прославился; но я исчислилъ тебѣ множество смертей,—столько, сколько дней провелъ въ дѣлѣ проповѣди этотъ блаженный (апостолъ). Если же ты хочешь знать и о той смерти, которая постигла его на самомъ дѣлѣ, то Авель палъ отъ руки брата, которому онъ не сдѣлалъ ни обиды, ни благодѣянія, а Павелъ былъ умерщвленъ тѣми, которыхъ онъ старался избавить отъ безчисленныхъ золъ и для которыхъ переносилъ всѣ свои страданія. Ной былъ праведенъ и совершенъ въ родѣ своемъ, и былъ таковъ одинъ только между всѣми (Быт. vi, 9). Но и Павелъ былъ таковъ одинъ лишь между всѣми. Тотъ спасъ только себя самого съ дѣтьми; а этотъ, когда гораздо сильнѣйшій потопъ объялъ вселенную, исторгъ изъ среды волнъ, не посредствомъ ковчега, сколоченнаго изъ досокъ, но вмѣсто досокъ составивъ

посланія,—не двухъ, трехъ или пятерыхъ родственниковъ, но всю вселенную, которая готова была погрузиться въ нихъ. Да и не таковъ былъ этотъ ковчегъ, чтобы пребывать на одномъ мѣстѣ, но достигалъ до предѣловъ вселенной, и съ тѣхъ поръ донинѣ Павелъ вводитъ всѣхъ въ этотъ ковчегъ, потому что онъ устроенъ соразмѣрно съ множествомъ спасаемыхъ и, принимая такихъ, которые безмысленнѣе безсловесныхъ животныхъ, дѣлаетъ ихъ подобными вышнимъ силамъ,—и такимъ образомъ превосходитъ тотъ ковчегъ. Тотъ, принявъ ворона, выпускалъ опять ворона (Быт. viii), и принявъ волка, не измѣнялъ его звѣрства; а этотъ не такъ, но принявъ волковъ, дѣлалъ ихъ овцами, принявъ ястребовъ и коршунъ, отпускалъ ихъ голубями, устраняя отъ природы человеко- 475 ской всякую безсловесность и звѣрство, вѣдрялъ кротость духа; и донинѣ остается плавающимъ этотъ ковчегъ, и не разрушается. Буря нечестія не смогла разбить досокъ его, а напротивъ онъ, плавая среди бурн, укротилъ свирѣпость ея; и весьма естественно, потому что не замазкою и смолою намащены эти доски, но Духомъ Святымъ. Аврааму всѣ удивляются, потому что онъ, услышавъ: *изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего* (Быт. xii, 1), оставилъ отечество, и домъ, и друзей, и родственниковъ,—повелѣніе Божіе было для него всѣмъ. Этому удивляемся и мы; но что можетъ сравниться съ Павломъ? Онъ оставилъ для Іисуса не отечество, домъ и родственниковъ, но самый міръ, вѣрнѣе—презрѣлъ самое небо и небо небесъ, и искалъ только одного—любви Іисуса. Послушай, какъ онъ самъ выражаетъ это, когда говоритъ: *ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина не возможетъ насъ разлучити отъ любве Божіей* (Римл. viii, 38, 39). Тотъ, подвергая себя самому опасностямъ, избавилъ племянника своего отъ иноплеменниковъ; а этотъ не племянника, не три или пять городовъ, но всю вселенную исхитилъ изъ рукъ не иноплеменниковъ, но самихъ бѣсовъ, подвергаясь каждый день безчисленнымъ опасностямъ и собственными смертями доставляя великую безопасность другимъ. Тамъ верхъ добродѣтелей и крайнюю степень любви составляетъ принесеніе сына въ жертву; но и здѣсь у Павла мы найдемъ преимущество, потому что не сына, а себя самого онъ тысящевратно приносилъ въ жертву, какъ я сказалъ выше. Чему можно удивляться въ Исаакѣ? Кромѣ многого другого, особенно его незлобію, тому, что онъ, копая колодцы и бывъ изгоняемъ изъ своихъ предѣловъ (Быт. xxvi), не противился, но терпѣлъ, видя засыпаемые колодцы, и постоянно переходилъ на другое мѣсто, не вооружаясь никогда на обижавшихъ его, но уступая и вездѣ отказываясь отъ собственного имѣнія, доколѣ не насытилъ неправедной жадности ихъ. Но Павелъ, видя не колодцы,

засыпаемые камнями, но собственное свое тѣло, не уступалъ только, какъ тотъ, а тѣхъ самыхъ, которые бросали на него камни, старался возвести на небо; чѣмъ больше засыпали этотъ источникъ, тѣмъ больше онъ прорывался и обильнѣйшія изливалъ постоянно рѣки. Писаніе удивляется терпѣнію сына Исаакова. Но какая адамантовая душа можетъ оказать терпѣніе Павлово? Онъ трудился не дважды семь лѣтъ, но всю жизнь за невѣсту Христову, перенося не зной только дневной и холодъ ночной, но терпя безчисленныя тучи искушеній, то принимая бичеванія, то подвергаясь побиванію тѣла камнями, то сражаясь съ звѣрями, то борясь съ моремъ, непрестанно день и ночь претерпѣвая голодъ и холодъ, подпадая 476 всюду опасностямъ и исторгая овецъ изъ пасти діавола. Іосифъ былъ цѣломудренъ. Но я боюсь, не будетъ ли смѣшно—восхвалять за это Павла, который распялъ себя для міра и не только на красоту тѣлесную, но и на всѣ вещи смотрѣлъ такъ, какъ мы (смотримъ) на прахъ и пепелъ, и былъ нечувствителенъ къ нимъ, какъ мертвый къ мертвому. Такъ онъ, тщательно укрощая естественныя пожеланія, никогда не питалъ никакого пристрастія ни къ чему человѣческому.

Всѣ люди удивляются Іову, и весьма справедливо: онъ былъ дѣйствительно великій подвижникъ и можетъ равняться съ самимъ Павломъ по терпѣнію, по чистотѣ жизни, по исповѣданію Бога, по вѣрпкой борьбѣ, по дивной побѣдѣ, послѣдовавшей за борьбою. Но Павелъ не нѣсколько мѣсяцевъ провелъ въ такихъ подвигахъ, а много лѣтъ, не глыбы земли обливая гноемъ, сидя на гноищѣ, а непрестанно впадая въ самую пасть невидимаго льва и, борясь съ безчисленными искушеніями, былъ тверже всякаго камня; и не отъ трехъ или четырехъ друзей, но отъ невѣрующихъ лжебратій терпѣлъ оскорбленія, оплеванія и злословія. Велико было гостепріимство Іова и попеченіе о нуждающихся? И мы не будемъ опровергать этого; но находимъ, что оно столько ниже попеченія Павлова, сколько тѣло ниже души. Что тотъ дѣлалъ для страждущихъ тѣломъ, то этотъ дѣлалъ для немощныхъ душею, исправляя всѣхъ храмлющихъ и слѣпотствующихъ умомъ и облакая нагихъ и непристойныхъ одеждою любомудрія; да и въ отношеніи къ тѣлеснымъ нуждамъ онъ столько превосходилъ его, сколько важнѣе помогать нуждающимся, когда самъ терпишь бѣдность и голодъ, нежели дѣлать это отъ избытка. У того домъ отворенъ былъ для всякаго приходящаго; а у этого душа была открыта для всей вселенной и принимала въ себя всѣ народы. Поэтому онъ и говорилъ: *не тѣсно вмѣщается въ насъ: утѣсняется же во утробахъ вашихъ* (2 Кор. vi, 12). Тотъ былъ щедръ для нуждающихся, имѣя у себя безчисленное множество овецъ и воловъ; а этотъ, не имѣя у себя

ничего, кромѣ тѣла, самымъ этимъ тѣломъ трудился для нуждающихся: нуждамъ моимъ, говоритъ онъ, *и сущимъ со мною послужить ручь мои си* (Дѣян. xx, 34), то есть, тѣлесными работами доставлялъ онъ содержаніе алчущимъ и жаждущимъ. Черви и раны причиняли Іову жестокія и нестерпимыя мученія? Признаю это и я; но если противопоставишь этому бичеванія, какія терпѣлъ Павелъ столько лѣтъ, непрестанный голодъ его, наготу, узы, темницу, опасности, козни противъ него отъ своихъ, отъ чужихъ, отъ властителей, отъ всей вселенной, и вмѣстѣ съ этимъ еще болѣе тяжелое, именно—скорби о падающихъ, заботу о всѣхъ церквахъ, пламенное безпокойство, какое испытывалъ онъ о каждомъ изъ соблазняющихся,—то увидишь, какъ душа, переносившая это, 477 была тверже камня и превосходила (вѣрпостію) желѣзо и адамантъ. Такимъ образомъ, что тотъ переносилъ тѣломъ, то этотъ душею, и сильнѣе всякаго червя снѣдала душу его скорбь о каждомъ изъ соблазняющихся. Поэтому онъ непрестанно проливалъ источникъ слезъ не только днемъ, но и ночью, и о каждомъ изъ нихъ мучился тяжелѣе всякой жены рожающей; потому и говорилъ: *чадца моя, ими же паки болѣзную* (Гал. iv, 19). Кому можно удивляться послѣ Іова? Конечно, Моисею. Но Павелъ и его превзошелъ во многомъ. Много въ немъ великаго, главное же и высшее достоинство этой святой души состоитъ въ томъ, что онъ для спасенія іудеевъ соглашался самъ быть изглаженнымъ изъ книги Божіей (Исх. xxxii, 32). Но онъ рѣшался погибнуть вмѣстѣ съ другими; а Павелъ рѣшался не вмѣстѣ съ другими погибнуть, но такъ, чтобы другіе спаслись, а онъ самъ лишился вѣчной славы. Тотъ боролся съ фараономъ, а этотъ—съ діаволомъ ежедневно; тотъ подвизался за одинъ народъ, а этотъ—за всю вселенную, обливаясь не потомъ, но кровію вмѣсто пота, и исправляя не только населенныя земли, но и пустынные, не только Элладу, но и варварскую страну.

Затѣмъ надлежало бы представить Іисуса (Навина), и Самуила, и прочихъ пророковъ, но чтобы слишкомъ не распространить бесѣды, перейдемъ къ главнѣйшимъ изъ нихъ, потому что когда онъ, окажется выше этихъ, то и о прочихъ не останется никакого сомнѣнія. Итакъ, кто главнѣйшіе?

Кто же послѣ вышеупомянутыхъ, если не Давидъ, и Ілія, и Іоаннъ, изъ которыхъ одинъ—предтеча перваго, а другой—предтеча втораго пришествія Господня, и потому называются одинъ именемъ другого? Что отличнаго въ Давидѣ? Смиреномудріе и любовь къ Богу. Но кто больше, или по крайней мѣрѣ кто не меньше Павловой души имѣлъ то и другое? Что удивительнаго въ Іліѣ? То ли, что онъ заключилъ небо, навелъ голодъ и низ-

велъ огонь? Нѣтъ, я думаю, а то, что онъ ревновалъ о Господѣ и былъ въ этомъ сильнѣе огня. Но если посмотришь на ревность Павла, то увидишь, что онъ столько превосходитъ Ілію, сколько тотъ превосходитъ прочихъ пророковъ. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ сравниться съ тѣми словами, которыя онъ говорилъ, ревнуя о славѣ Господней: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти* (Римл. ix, 3)? Поэтому, тогда какъ ему предстояли небеса, вѣнцы и награды, онъ не спѣшилъ, медлилъ и говорилъ: *еже пребывать во плоти,* 478 *нужнѣе есть васъ ради* (Фил. i, 24). Посему ни одной ни изъ видимыхъ тварей, ни изъ невидимыхъ онъ не считалъ достаточною для выраженія его любви и ревности, но искалъ другой, не существующей, чтобы выразить то, чего хотѣлъ и желалъ. Іоаннъ ѣлъ акриды и дивій медъ. Но Павелъ среди вселенной жилъ такъ, какъ тотъ въ пустынѣ,—не акридами питаясь и дикимъ медомъ, но имѣя трапезу гораздо бѣднѣе и даже нуждаясь въ необходимой пищѣ по ревности къ проповѣди. Тотъ показалъ великую смѣлость въ обличеніи Ирода? Но этотъ заграждалъ уста не одному, двумъ или тремъ, а безчисленному множеству подобныхъ ему, или, лучше сказать, гораздо болѣе свирѣпымъ, чѣмъ тотъ тиранъ. Остается, наконецъ, сравнить Павла съ ангелами: поэтому, оставивъ землю, вознесемъ на своды небесныя. Никто пусть не считаетъ рѣчи нашей дерзкою. Если Писаніе называетъ ангеломъ Іоанна и священниковъ, то что удивительнаго, когда мы сравнимъ съ этими силами того, кто превосходитъ всѣхъ? Что же въ нихъ есть великаго? То, что они во всей точности повинуются Богу, о чемъ и Давидъ съ удивленіемъ говоритъ: *силнии крѣпостію, творящии слово Его* (Псал. cii, 20). Подлинно, нѣтъ ничего равнаго этому, хотя бы они были тысящекратно безтѣлесными, такъ какъ то особенно и дѣлаетъ ихъ блаженными, что они повинуются повелѣніямъ (Божіимъ) и ни въ чемъ не ослушиваются. Но и въ Павлѣ можно видѣть, какъ онъ соблюдалъ это въ точности: онъ не только исполнялъ слово Божіе, но и всѣ повелѣнія и даже сверхъ повелѣній, какъ онъ самъ выразилъ это, сказавъ: *кая убо ми есть мзда; да благовѣствуя безъ мзды положу благовѣстіе Христова* (1 Кор. ix, 18)? Что еще съ удивленіемъ говоритъ пророкъ объ ангелахъ? *Творяи ангелы своя духи,* говоритъ онъ, *и слуги своя пламени огненный* (Псал. cii, 4). Но и это можно видѣть въ Павлѣ, потому что онъ, какъ духъ и огонь, обтекалъ всю вселенную и очищалъ землю. Но онъ еще не достигъ неба? Это и удивительно, что онъ былъ таковъ на землѣ и, бывъ облеченъ смертнымъ тѣломъ, равнялся съ безтѣлесными силами. Какого же осужденія достойны мы, если, тогда какъ одинъ человѣкъ совмѣщаетъ въ

себѣ всѣ добродѣтели, мы не стараемся подражать ему даже въ малѣйшей части? Итакъ, помышляя объ этомъ, постараемся избавить себя отъ осужденія и подражать его ревности, чтобы удостоиться получить такія же блага, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВТОРАЯ

О СВЯТОМЪ АПОСТОЛѢ ПАВЛѢ.

ЧТО ТАКОЕ человѣкъ, каково благородство нашей природы и къ 477—478 какой добродѣтели способно это существо, — больше всѣхъ людей показалъ на себѣ Павелъ. Съ того времени, какъ сталъ 479 (апостоломъ), донинѣ онъ громкимъ голосомъ оправдываетъ Господа противъ всѣхъ, осуждающихъ Его за такое устройство насъ, побуждаетъ къ добродѣтели, заграждаетъ безстыдныя уста хулителей и показываетъ, что между ангелами и людьми не велико разстояніе, если мы захотимъ быть внимательными къ самимъ себѣ. Онъ получилъ не иное естество, имѣлъ не иную душу, жилъ не въ иномъ мірѣ, но былъ воспитанъ на такой же землѣ, въ такой же странѣ, подъ такими же законами и обычаями, и превзошелъ всѣхъ людей, бывшихъ съ того времени, какъ стали существовать люди. Гдѣ же тѣ, которые говорятъ, что добродѣтель трудна, а порокъ легокъ? Павелъ утверждаетъ противное имъ: *еже нынѣ легкое печали,* говоритъ онъ, *по преумноженію въ преслѣніи тяготу вѣчную славы содѣловаетъ* (2 Кор. iv, 17). Если же легки скорби, то тѣмъ болѣе—внутреннія удовольствія.

И не только то въ немъ удивительно, что отъ избытка ревности онъ не чувствовалъ трудовъ, подъятыхъ для добродѣтели, но что и этой послѣдней онъ преданъ былъ не ради награды. Мы и при предстоящихъ наградахъ не выдерживаемъ трудовъ для добродѣтели; а онъ и безъ наградъ исполнялъ и любилъ ее, и казущіяся препятствія къ ней побуждалъ со всею легкостію, не ссылаясь ни на слабость тѣла, ни на множество дѣлъ, ни на власть природы, и ни на что другое. Не смотря на то, что онъ былъ обремененъ заботами больше всѣхъ военачальниковъ и царей на землѣ, онъ съ каждымъ днемъ однако возрасталъ въ силахъ, и съ увеличеніемъ для него опасностей приобрѣталъ новую ревность, какъ онъ самъ выражалъ это, когда говорилъ: *задняя убо забывая, въ предняя же простираяся* (Фил. iii, 13); и ожидая смерти, призывалъ къ участію въ этой радости, говоря: *радуйтесь и сора-*